

УДК 78
ББК 85.31

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА ОЙРАТОВ СИНЬЦЗЯНА: ИЗ ЭКСПЕДИЦИОННОГО ОПЫТА*

Э. У. Омакаева, Б. Х. Борлыкова

В условиях глобализации и модернизации все более значимой становится проблема сохранения традиционных культур малочисленных народов и их этнической идентичности. Любая культура — это своего рода «матрица», хранящая колоссальные знания. Одной из таких подматриц является народная песня, передающая из поколения в поколение традиционное этническое мироощущение и мировидение.

Носителями ойратской песенной традиции являются западномонгольские этносы и этнические группы, проживающие сегодня на территории различных государств. Под термином «ойратская народная песня» понимается песенный фольклор ойратоязычных народов (потомков средневековых ойратов, проживающих ныне в Китае, Монголии и России), хотя в литературе ойратская песня часто обозначается как монгольская [Моңһл ут дууна үг 1980; Ховгсээрин моңһл ут дун 1984], поскольку в Китае ойратов официально называют монголами.

Неоценимое значение для сохранения и научного изучения музыкально-поэтического творчества ойратов имеют разновременные записи песен, а также научные и популярные издания песенных текстов, осуществленные как в самом регионе бытования, так и за его пределами.

Экспедиция к ойратам Синьцзяна позволила нам зафиксировать с помощью новых информационных технологий современное состояние песенного фольклора среди различных групп ойратов — торгутов, хошутов и олетов. Данный регион привлек нас как место локализации устной песенной традиции ойратоязычных субэтнических групп, родственных российским калмыкам и ойратам Монголии.

Актуальность изучения ойратского песенного фольклора и ритуала как связу-

ющего звена между природой, космосом и человеком в контексте взаимодействия традиционной музыкальной культуры и окружающей среды не вызывает сомнения [Омакаева 2000]. Песня антропоцентрична: окружающая среда отражается в ней через человека. Именно песня как синтетический жанр является наиболее эмоциональным средством передачи через музыку и слово традиционных ценностей этноса, его менталитета, национального характера, образа жизни и самосознания, сакрального знания.

В народной песне, целостность которой достигается синтезом поэтического текста и мелодии («песня по своей природе отражает синкретизм музыки и поэзии» [Кульганек 2001: 154]), заложена особая сила идейно-эстетического и эмоционально-психологического воздействия. Не случайно, русские путешественники, этнографы, интересовавшиеся бытом и культурой монголов, высоко оценивали их музыкально-поэтическое творчество. Известный русский путешественник П. К. Козлов писал: «Монголы — большие любители песен. Пение у них встречается хоровое, унисонное и сольное. Песни монголов — лирические и лироэпические, в них они воспевают удалых молодцов, своих коней, красавиц, свои кочевья» [Козлов 1949: 27].

Как известно, по своим жанровым признакам музыкально-поэтическое творчество ойратов разделяется на протяжную песню (ут дун «долгая песня») и быструю (ахр дун «короткая песня»). В качестве доминантного в песенной традиции ойратов признается жанр протяжной песни. Именно здесь были выработаны локальные стилевые особенности. «Протяжная песня урт ду — подлинная стихия самобытного музыкального творчества монголов скотоводов-кочевников» [Смирнов 1971: 49].

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Языковые и этнодемографические особенности ойратов (калмыков) Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР», № 12-04-18021е).

*Информант Донгруп, уезд Джинг,
Бортала-Монгольский АО*

*Информант Байнда,
уезд Джинг, Бортала-Монгольский АО*

Фольклорный ансамбль уезда Бост-Нур

Этот песенный жанр занимает достойное место в фольклоре многих народов. Протяжной песне как особой форме русской народной песенной культуры была посвящена кандидатская диссертация И. И. Земцовского [1963].

В августе 2010 г. в Улан-Удэ усилиями наших бурятских коллег был проведен международный круглый стол по проблемам современного бытования протяжных песен у монгольских народов, в котором нам посчастливилось принять участие. В его

рекомендациях отмечена необходимость дальнейшего совместного изучения рассматриваемой тематики [Протяжные песни монгольских народов 2010]. Данная статья может считаться реализацией принятых в 2010 г. рекомендаций.

Исследователи считают, что протяжное пение является маркером этнического поведения представителей народов степи [Шейкин 2002: 295]. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о ее генезисе. Древние ойратские легенды и предания со-

держат интересные сюжеты о происхождении протяжной песни, музыкальных инструментов (ятхи, икеля, товшура и др.).

На формирование стиля протяжного пения, несомненно, оказали влияние природные климатические условия и степной ландшафт. Уже в самом названии песенного жанра заложено пространственное представление о протяжной песне как «длинной». В открытом степном пространстве легче установить связь с природой, космосом, предками. Певец-номад выступает в роли медиатора, а его голос служит инструментом, посредством которого достигается гармония [Дашиева 2010].

По гипотезе Б. Ф. Смирнова, протяжная песня восходит к бестекстовым возгласным распевам [Смирнов 1971: 22]. Считается, что в основе различия протяжных и коротких песен лежат мелодические жанры [Смирнов 1971: 21]. Так, протяжная песня характеризуется распевом слогов. Но представляется, что принадлежность поэтического текста к одной из двух названных жанровых разновидностей определяется не только особой мелодикой, но и тематикой, символикой и характером образов. Так, исследователь Т. Г. Басангова отмечает магический характер протяжной песни, тематика которой связана с традиционным хозяйственным занятием монгольских народов — скотоводством [Басангова 1999: 46].

Видимо, возникновение этого самобытного феномена духовной культуры ойратов связано не только с климатическими и ландшафтными факторами, но и с архаическими мифологическими, космогоническими, древними магическими представлениями древнего человека. Не случайно в протяжной песне тесно переплетены и четко ощущаются следы других поэтических жанров — йорялей-благопожеланий, магталов-восхвалений, сургалов-наставлений, молитв-заклинаний и т. д. Все это говорит о том, что ойраты очень тонко ощущали и по-настоящему ценили красоту и музыкальность окружающего мира, что и нашло отражение в песенном творчестве.

Протяжной народной песне ойратов, монголов и калмыков посвящена значитель-

ная литература, созданная как в прошлые столетия, так и в относительно недавнее время. И это не случайно. Протяжные песни имеют большую познавательную и культурно-историческую ценность. Это своего рода опозитизированная история жизни этноса, настоящая энциклопедия народного быта, передающая его неповторимый колорит, своеобразие материальной и духовной культуры, неписанные правила поведения в семье и обществе. Именно в «первобытной обрядово-лирической песне» некоторые исследователи видят истоки песенной формы героического эпоса [Мелетинский 1972: 59].

Исследованию генезиса и эволюции вокально-поэтического жанра монгольской и ойратской протяжной песни посвящены кандидатские диссертации и вышедшие позднее монографии Д. Оюунцэцэг [1990; 2006] и Ван Гао Чао [2008; 2012], но многие проблемы ввиду сложности объекта изучения остаются открытыми, в частности, язык песен. Лингвистическое изучение песенных текстов монгольских народов, в частности, ойратских и калмыцких песен, значительно отстает от их собственно фольклористического [Биткеев 1987; 2005; Оконов 1987, 2005; Хабунова 1998; Басангова 1999; 2007; Утнасун 2004; Борлыкова 2011 и др.] и музыковедческого [Цебигов 1991; Дорджиева 2000; Бадмаева 2001 и др.] осмысления. Достаточно сказать, что почти нет работ, специально посвященных языку ойратского и калмыцкого народно-песенного жанра, за исключением статей: [Омакаева, Убушиева 2008; Омакаева 2008]. При этнолингвистическом анализе необходимо учитывать и опыт фольклористического изучения монгольских народных песен [Хорлоо 1989; Яцковская 1988; Кульганек 2001].

В ходе экспедиции нами были записаны *ут дуд* «протяжные песни», *ахр дуд* «короткие песни» [Борлыкова, Омакаева 2012]. Ниже приводим тексты протяжной песни «Аду талан йовхлам», «Хан уулын орад», «Йонхр торһн утцн», «Бөмбүрэ-бөмбүрэ моднд», «Тавур тавн хасг», записанных от информанта Мидгя, хошут (баргас), 67 лет, уезд Бост-Нур Баян-Монгольского автономного округа СУАР КНР.

Аду талан йовхлам

Аду талан йовхлам,
Атн темэн һазрч,
Ижл талан йовхлам,
Иньг тэмэн һазрч.

Иньг талан йовхлам,
Хойр нүдн һазрч.

Нүүһэд сууһад йовхлам,
Нутгинм баран харгдна.

Нүүсн һазран бодхлам,
Нүднәсм нульмән хоожна.

Хан уулын орад

Хан уулын орад
Саңгин утан уйлдна.
Хамг үүлиг ээлдг
Мана богдан зэрлг.

Ке шар сүмднь
Кенкрин дуран уйлдна
Кегсн үүлиг ээлдэгч
Мана богдан зэрлг.

Хо шар сүмднь
Хоңхан дуран уйлдна.
Хольжгсн үүлиг ээлдгч
Мана богдан зэрлг.

*Беседа с исполнительницей народных
песен Мидгя, Бост-Нур,
Баянгол-Монгольский АО*

Йоңхр торһн утци

Йоңхр торһн утцмб,
Йоста бат утцмб.
Йовсн һазран бодхла,
Яснасм көөлсн хоожна.

Дав гидг утцмб,
Татла бат утцмб.
Давсн даһан бодхлам,
Даласн көөлсн хоожна.

Самбу торһн утцмб,
Сээхн бат утцмб.
Санан бодлан санхлам,
Шанаһасм көөлсн хоожна.

Хаданчн өндр шовһрт
Харһдг угаһичнь яахви?
Харһсн хойрасчн сурхла,
Медсн угаһинь яахв?

Үзг деер һархла,
Үзгдг угаһичн яахви?
Үзгдсн хойрасчн сурхла,
Медсн угаһинь яахв?

Хамр деер һархла,
Харһлдг угаһичнь яахви?
Харһлдсн хойрасчн сурхла,
Медсн угаһинь яахв?

Бөмбүрә-бөмбүрә моднд

Бөмбүрә-бөмбүрә моднд,
Бүргд шовуд цуглрна.
Бүүвэлн, бүүвэлн өсксн
Ээжин ачиг яһн да кой.

Саглр, саглр моднд
Шаазһа шовуд цуглрна.

Шарухн уурган көкүлгсн
Ээжин ачиг яһн да кой.

Харһа зандн моднд
Харцх шовуд цуглрна.
Харһу сөөһәр бүүвэлгсн
Ээжин ачиг яһн да кой.

В данной песне воспета великая сила материнской любви, перед которой все мы находимся в неоплатном долгу. Образ мате-

ри — традиционный поэтический символ в фольклоре монгольских народов [Дякиева, Омакаева 2012].

Тавр-тувр тавн хасг

Тавр-тувр тавн хасг
Таңсг мергн жувр хасг,
Улан нүдтә жувр хасг

Унсн мөрим авич хасг,
Улан һолым тэвич хасг.

Что касается последней песни, то интересно, что эта ойратская песня, записанная нами в Бост-Нуре, исполняется в Калмыкии в другом варианте Дмитрием Шараевым (26 лет, торгут, п. Чилгир Яшкульского р-на). Сам Дмитрий записал слова у Марии Манджиевны Ванькаевой (60 лет, торгутка, п. Чилгир Яшкульского р-на), которая в свою очередь выучила эту песню благодаря какому-то молодому человеку из Синьцзяна, приехавшему в Калмыкию. Приведем записанный нами вариант этой песни, исполняемый Д. Шараевым:

Тавр-тувр тавн хасг
Талта мергн жолвн хасг
Тескнәр дүүрн темәд бәәнә.
Түүгм авад, әмим тэвич.
Ярһтаһар дүүрн ямад бәәнә,
Түүгм авад, әмим тэвич.
Ажрһар дүүрн адун бәәнә,
Түүгм авад, әмим тэвич.
Хотарар дүүрн хөд бәәнә,
Түүгм авад, әмим тэвич.

Экспедиция 2012 г. показала, что различные песенные жанры в разных местностях компактного проживания ойратов СУАР КНР сохранились в неодинаковой степени. Следует отметить и значительно возросшее влияние на устную традицию

книжной традиции (письменных текстов). Поэтому, определяя современное состояние песенной традиции, мы обязательно указываем, активно ли бытует записываемое произведение устного народного творчества, или же зафиксировано лишь то, что сохранила память собеседника, что в жизни уже не исполняется.

Тем не менее песенный фольклор продолжает активно бытовать среди ойратов СУАР Китая (особенно у торгутов). В то же время нас не может не тревожить судьба песенного и, шире, музыкального искусства номадов. По какому пути пойдет дальнейшее развитие музыкального фольклора ойратов и в частности такого яркого его феномена, как протяжная песня?

Песня служит средством идентификации того или иного этноса, его культуры. Песня, как и язык, является своего рода семиотическим кодом, знаковой системой, средством коммуникации, инструментом познания и, образно говоря, матрицей души, духа народа. Поэтому изучение языковой картины мира, заключенной в ойратском песенном тексте и отражающей пространственно-временные представления, этические нормы, моральные ценности, эмоции и чувства, эстетические вкусы и предпочтения этноса, может пролить свет на многие нерешенные проблемы

исследования структуры и семантики песенного текста.

Песенная картина мира имеет свою структуру, которая представляет собой своеобразную семантическую «сеть», узлами которой являются опорные слова [Хроленко 1992: 18]. Так, субстантивы (существительные) задают статическую модель песенного мира (*темэд* ‘верблюды’, *хөд* ‘овцы’, *ямад* ‘козы’, *адун* ‘табун’, *харцх шовуд* ‘ястребы’), глаголы — динамическую (*цуглурна* ‘собираются’, *хоожна* ‘течет’, *йовхлам* ‘когда иду’), а прилагательные часто выступают как эпитеты, дающие желаемое представление об объекте (*ке шар сүмднь* ‘в красивом желтом храме’, *сэгхн бат утцмб* ‘что за красивая прочная нить’, *харцху сөөһәр* ‘темной ночью’, *улан нүдтэ* ‘с красными глазами’). Что касается эпитетов, то они могут быть простыми, сложными, составными, но в любом случае семантика эпитета раскрывается в контексте.

Записанные нами народные песни ойратов являются ценным материалом для исследования как языка, так и песенного творчества ойратов в целом. Внедрение новых методов и принципов собирательской работы, использование возможностей электронных технологий имеют важное значение для сохранения, изучения и популяризации уникального культурного наследия региона.

Слушая протяжные песни в естественных условиях природной среды, мы испытали ни с чем не сравнимые ощущения гармонии человека и природы, поэзии и музыки, удивительное состояние эмоционального погружения в чарующий мир звуков древних кочевников Евразии.

Многое из записанного нами и нашими предшественниками еще не опубликовано. Необходимо провести систематизацию и классификацию имеющихся текстов, ввести в научный оборот как новые полевые материалы, так и неопубликованные архивные источники, хранящиеся в собраниях Китая, Монголии, Венгрии и других стран. Дальнейшая публикация расшифрованных с современных электронных носителей полевых записей исполнения песенных текстов, свидетельствующих о сохранности во времени устной музыкально-поэтической традиции, позволит восполнить многие лакуны в изучении фольклорного наследия, в частности малоизученного феномена исполнительства у народов Центральной Азии.

Закончить данную статью нам хотелось бы словами известного исследователя песенного творчества народов Центральной Азии Т. Левина, автора недавно вышедшей монографии «Где горы и реки поют: звук, музыка и кочевничество в Туве и за ее пределами»: «Удивительная способность кочевников извлекать музыку из окружающего их мира может послужить вдохновляющим примером для каждого из нас. Музыка номадов может помочь нам соединиться с нашим коллективным прошлым. А если мы прислушаемся повнимательнее, поможет достичь гармонии с окружающим миром в будущем» [Levin 2006: 5].

Информанты

- Мидгя*, 1945 г. р., хошут, Китай, Баянгол-Монгольский автономный округ, Бост-Нур.
Шараев Дмитрий, 1986 г. р., торгут, Республика Калмыкия, г. Элиста.
Донгрупп, 1930 г. р., торгут, Китай, Бортала-Монгольский автономный округ, Цзинхэ.

Литература

- Бадмаева Г. Ю.* Традиционная музыка калмыков в контексте культур Центральной Азии: автореф. дис. ... канд. иск. М.: МГК им. Чайковского, 2001. 14 с.
Биткеев Н. Ц. Калмыцкая народная песенная поэзия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 141 с.
Биткеев Н. Ц. Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 191 с.
Басангова Т. Г. Обрядовая поэзия калмыков (система жанров, поэтика). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 450 с.
Борджанова (Басангова) Т. Г. Магическая поэзия калмыков Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 182 с.
Борлыкова Б. Х. Барун Моңһлын өөрднрин көгжмин тускар // Халимагийн монгол судлал. Библиотека ойратика XXIII. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» хэвлэх үйлдвэр. 2011. С. 166–172.
Борлыкова Б. Х. О песенном фольклоре ойратов Западной Монголии (по материалам международных научных экспедиций) // Фольклор в контексте культуры: Сб. ст. по мат-лам Всерос. науч. конф. (Махачкала, 10 марта 2011 г.). Махачкала, ДГПУ, 2011. С. 14–16.
Борлыкова Б. Х., Омакаева Э. У. Шинжэнэ өөрдин дууна тускар (2012 жилд болсн экспедицин бичврэс) // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 но-

- ября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 204–207.
- Ван Гао Чао. Народная песня ойратов в историческом контексте: автореф. дис. ... канд. иск. Ростов-на-Дону, 2008. 22 с.
- Ван Гао Чао. Традиционная музыкальная культура ойратов. Элиста: АУ РК «Издат. дом «Герел», 2012. 263 с.
- Владимирцов Б. Я. Образцы монгольской народной словесности (С.-З. Монголия). Л.: Ин-т живых вост. яз., 1926. 202 с.
- Дашиева Л. Д. Интонационные модели монгольских протяжных песен уртын дуу // Народная культура Сибири: Мат-лы XIX науч. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск, 2010. С. 103–109.
- Дорджиева Г. А. Калмыцкие протяжные песни: опыт структурно-типологического и историко-стилевого исследования: дис. ... канд. иск. СПб., 2000. 243 с.
- Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У. Образ матери в калмыцком фольклоре: к проблеме универсального (на материале фольклорных текстов) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 2. С. 183–187.
- Земцовский И. И. Протяжная песня как особая форма русской народной песенной культуры: автореф. дис. ... канд. иск. Л., 1964. 21 с.
- Козлов П. К. Путешествие в Монголию, 1923–1926: Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой // Записки Всесоюзного Географического Общества. Новая серия. Т. 7. М., 1949. 324 с.
- Кульганек И. В. Мир монгольской песни. СПб.: Петербург. восток-е, 2001. 224 с.
- Мелетинский Е. М. Первобытные истоки словесного искусства // Ранние формы искусства. М.: Искусство, 1972. С. 149–189.
- Омакаева Э. У. Фольклорный поэтический текст монголоязычных народов сквозь призму этнолингвистики и кросс-культурных контактов: история и современность // Proceedings of the Second International Conference “Past and Present of the Mongolic peoples”. Tokyo: University of Foreign Studies, 2009. Pp. 342–352.
- Омакаева Э. У., Убушиева Б. Э. Лексика и синтаксис поэтического текста в этнолингвистическом освещении: к постановке проблемы (на материале калмыцких протяжных песен) // Кочевые цивилизации Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы: сб. мат-лов I Междунар. науч.-практ. конф. Часть 2. Красноярск, 2008. С. 121–125.
- Оюунцэцэг Д. Генезис и эволюция монгольского вокально-поэтического жанра уртын дуу: дис. ... канд. иск. М., 1990. 26 с.
- Оюунцэцэг Д. Генезис и эволюция монгольского вокально-поэтического жанра уртын дуу. Улан-Батор: Аётоп, 2006. 190 с.
- Протяжные песни монгольских народов. Улан-Удэ: изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 158 с.
- Руднев А. Д. Мелодии монгольских племен // Записки РГО по отделению этнографии. Сб. в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. СПб., 1909. Т. 34. С. 395–430.
- Смирнов Б. Ф. Монгольская народная музыка. М.: Совет. композитор, 1971. 365 с.
- Хабунова Е. Э. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Исследование и материалы. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 224 с.
- Хорлоо П. Народная песенная поэзия монголов (проблема жанрового состава). Новосибирск: Наука, 1989. 151 с.
- Сто калмыцких народных песен / сост. Л. И. Цебинов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Шейкин Ю. И. История музыкальной культуры народов Сибири. Сравнительно-историческое исследование. М.: Вост. лит., 2002.
- Яцковская К. Н. Народные песни монголов. М.: Наука, 1988. 250 с.
- Levin T. Where Rivers and Mountains Sing, Sound, Music and Nomadism in Tuva and Beyond. Bloomington: Indiana University Press, 2006. 285 p.
- Моңһл ут дууна үг. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 1980. 515 х.
- Омакаева Е. U. Traditional culture and environment: Kalmyk music and ritual // Audiences, Patrons, and Performers in the Performing Arts of Asia). Book of abstracts. Leiden, 2000. P. 89.
- Осорин Утнасн. Зэрм туужлгч дуудын үүдэмж // Теегин герл. 2004. № 5. С. 110–119.
- Ховгсээрин моңһл ут дун. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 1984. 133 х.